

14. ГААО. Ф. 1224. Оп. 11. Д. 1622. Л. 16. Наблюдательное производство помощника Прокурора Архангельской губернии по Архангельскому уезду за делом О. П. и Е. И. Поваровых. 1926–1927 гг.
15. ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 631. Обращения в фонд Помощь политическим заключенным. 1931 г.
16. Правда. 29.06.1926.
17. Справка № 65/10/2 Ш-534 от 14.01.2018 УФСБ по Республике Коми.

*Воронцов Владимир Юрьевич, иеромонах Иаков,
(Алма-Атинская духовная семинария)*

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В АЛМА-АТЕ В 1922–1944 гг.

В. Ю. Воронцов

В докладе описываются обстоятельства обновленческого раскола в Алма-Ате. Анализируются источники по теме. Предпринимается попытка раскрыть причины обновленчества в Русской Церкви. Вводятся в научный оборот архивные материалы, свидетельствующие о том, что при одобрении властей алма-атинское духовенство в своем большинстве поддержало раскол, тогда как паства отнеслась к обновленчеству неодобрительно. На основании агентурных материалов из следственного дела впервые проливается свет на последние годы жизни епископа Иннокентия (Пустынского), который, будучи раскольничьим «митрополитом», все же стремился к воссоединению с Церковью. В Алма-Ате он возглавил общину Введенского храма, которая впоследствии порвала с расколом.

Сколько-нибудь полная и достоверная научная литература по вопросу церковных расколов в Казахстане и, в частности, обновленчества отсутствует. Судя по рукописи неизданной книги об истории Церкви в Туркестанском крае покойного краеведа В. А. Казанцева [4], документы местных архивов освещают данную тему лишь фрагментарно. Исследователь много лет кропотливо собирал сведения по истории Церкви в государственных и частных архивах Казахстана. Рукопись является ценным источником, однако погрешает тем, что в тексте отсутствуют постраничные ссылки, а те, что приведены в конце текста, не выверены и порой отсылают к несуществующим фондам. Это может быть связано либо с перекодировками, которые были проведены в архиве, либо с невнимательностью тех, кто осуществлял набор текстов Казанцева. Вместе с тем историк, вероятно, наряду с документальными источниками использовал также и свидетельства очевидцев, а это материал ненадежный и часто недостоверный. Теме обновленческого раскола Казанцев не уделил особого внимания. Этот вопрос он описывал в контексте служения Церкви в Семиречье в условиях гонений.

Большой труд по изучению обновленческого раскола провел протоиерей Валерий Лавринов. В книге «Обновленческий раскол в портретах его деятелей» [6] он собрал довольно полные биографические данные об обновленческих иерархах и заметных деятелях раскола. Книга содержит сведения обо всех обновленческих епархиях, что дает возможность оценить масштаб обновленчества в Казахстане, но мало говорит о развитии событий и обстоятельствах служения раскольников в Казахстане. В названной книге нет биографической статьи даже о первом лице обновленческого раскола в Алма-Ате уполномоченном ВЦУ священнике Матфее Шевченко.

Заведующей архивом Санкт-Петербургской епархии О. И. Ходаковской были изготовлены копии отдельных документов из фондов Государственного архива Узбекистана, ныне закрытых для иностранных исследователей. Эти копии доступны теперь в архиве Санкт-Петербургской епархии [10; 11]. В целом архивные источники по данной теме разрознены и пока обстоятельно никем не исследованы. Особый интерес представляет опись 1 фонда 492 ЦГА Республики Казахстан, где содержатся документы обновленческого «епископа» Семипалатинского Николая (Минина). Поскольку многие раскольники были подвергнуты репрессиям, дополнительным источником по теме является фонд 20 Специального государственного архива Информационно-аналитического центра Департамента полиции (СГА ИАЦ ДП) города Алматы и аналогичные фонды региональных департаментов, где содержатся следственные дела репрессированных в 1920–1950-е гг. [14]. Но данные материалы, в силу секретного характера этих фондов, доступны для исследования лишь частично.

Остановимся немного на причинах обновленческого раскола. Проживавший в ссылке в Алма-Ате обновленческий «митрополит» Иннокентий (Пустынский), бывший Туркестанский архиерей, говорил: «Церковный раскол возбудился благодаря революции и если бы ее не было, то Церковь была бы единая и монолитная» [20, л. 1]. Однако стремление к обновлению Церкви, к ее реформированию появилось в определенных кругах задолго до революции. Еще в 1892 г., критикуя славянофилов, С. Н. Трубецкой писал о предлагаемых ими реформах «в крайне либеральном демократическом духе», что «эти преобразования — демократизация Церкви, выборное священство, выборная иерархия, женатые архиереи <...> свидетельствуют о недостаточном понимании духа Православной Церкви» [8, с. 130].

Знаменитый революционер, священник Георгий Гапон, объяснял свои действия, приведшие к кровопролитию, тем, что он стремился «засвидетельствовать истину — именно неотложность обновления России на началах правды» [15, с. 296]. Но именно революция дала толчок к развитию обновленческих идей. Многими верующими революция на первом этапе была воспринята с энтузиазмом и с радостью. События 1917 г. пробудили надежду на обновление жизни, на освобождение Церкви от оков и торжество справедливости. В поэме «Двенадцать» Александр Блок изобразил революционную Россию — буйную и кровавую. Очень точно подметил Л. Д. Троцкий: в поэме Блока «Россия раскололась надвое» [7, с. 102]. Одна ее половина, «кондовая, избяная, толстозадая», подобна паршивому псу, плетущемуся позади, а вторая, свободная, выступившая против одряхлевшего мира, грохочет: «Пальнем-ка пулей в Святую Русь». И именно этой буйной России «в белом венчике из роз» предшествует Иисус Христос. Но мысль Блока шире, чем те рамки, в которые помещает поэта Троцкий. Поэт ждал от революции религиозного обновления, духовного преображения России.

В 1921 г. Н. А. Бердяев размышлял о духовных корнях революционных событий в сочинении «Духи русской революции». Он сделал вывод: «Старая Россия, в которой было много зла и уродства, но также много добра и красоты, умирает. Новая Россия, рождающаяся в смертных муках, еще загадочна. Она не будет такой, какой представляют ее себе деятели и идеологи революции. Она не будет цельной по своему внешнему облику. В ней более резко будут разделены и расположены христианские и антихристианские начала. Антихристианские духи революции родят свое темное царство. Но и христианский дух России должен явить свою силу» [1, с. 31]. Та сила, о которой пророчил философ, была явлена в полноте в подвиге новомучеников и исповедников Церкви Русской. А темное царство антихристианских духов в послереволюционной России проникло и в церковные дела, стало причиной нестроений и расколов.

Понимая, что обновленческое движение в Казахстане невозможно осмысливать вне общецерковных обстоятельств, в дальнейшем мы будем, имея их в виду, обращаться непосредственно к местным фактам. В апреле 1924 г. святой патриарх Тихон подписал указ о запрещении обновленческих иерархов. С этого момента пути к преодолению раскола не оставалось, но это было понятно и раньше. Между тем власти активно пособничали раскольникам. Храмы повсеместно отнимались у православных и передавались обновленцам. Уже в первый год обновленчества раскольнический синод писал М. Калинину: «Синод, несмотря на все трудности, установил нормальную церковную жизнь во многих епархиях» [цит. по: 9, с. 299], далее приводится длинный список епархий, среди которых упоминается и Ташкентская. И действительно, абсолютное большинство храмов в Казахстане и Средней Азии к этому периоду принадлежало обновленцам.

Назначенный Патриархом Тихоном на Верненскую кафедру епископ Леонид (Скобеев) стал первым из иерархов, принявших обновленчество, в 1922 г. он возглавил обновленческое Всероссийское церковное управление (ВЦУ). Его преемник по кафедре, епископ Верненский, а с 1926 г. временно управляющий Ташкентской епархией Сергей (Лавров) в условиях полной изоляции от Москвы и тотального контроля со стороны ГПУ ничего не мог противопоставить обновленчеству в епархии, а в 1927 г. сам уклонился в раскол. Епископу Мелхиседеку (Аверченко), как и епископу Луке (Войно-Ясенецкому) не дали управлять епархией. Епископа Мелхиседека арестовали, он вынужден был уйти за штат в 1929 г., а святитель Лука ушел на покой еще раньше — в 1927 г.

В обновленчестве клир епархии перешел почти в полном составе. Центром обновленчества в Алма-Ате был Вознесенский кафедральный собор, клирики которого митрофорный протоиерей Алексей Шавров, протоиереи Гавриил Тихонравов, Виктор Поливанов и другие единодушно приняли «Живую Церковь». Активными деятелями обновленчества стали священники Матфей Шевченко-Долиндовский (Долиндо) и Виктор Ельцов.

В августе 1923 г. в Вознесенском соборе под руководством Уполномоченного ВЦУ священника Матфея Шевченко прошел первый съезд обновленческого духовенства Ташкентской епархии. 9 октя-

бря 1924 г. заместитель Председателя Ташкентского обновленческого епархиального управления описал в докладе, при каких обстоятельствах проходил в Алма-Ате епархиальный съезд. Он писал: «Епископа у нас не было, отклонившиеся от нас группы верующих были настроены чрезвычайно враждебно. Участники прошлогоднего съезда помнят, как кликуши держали все время Съезд в осаде, как выходивших со Съезда членов от духовенства разъяренные женщины ругали и оплевывали, пришлось даже обратиться к помощи милиции. При таких условиях работать спокойно, обдуманно и продуктивно было невозможно. Однако Съезд разрешил поставленные на повестку вопросы, в том числе и главнейший, о замещении епископской кафедры. Для Семиречья Съезд избрал кандидатом в епископы протоиерея Алексея Маркова, а для Ташкента не нашел подходящего кандидата» [11, л. б/н]. Этот документ показывает, что паства относилась к обновленцам с совершенной неприязнью. Об этом же свидетельствует и публикация в областной газете за этот период: «Алма-Атинские миряне настроены враждебно ко Всероссийскому Церковному Управлению и “прогрессивному духовенству”» [цит. по: 5, с. 91].

Обновленцы действовали в полном согласии с безбожными властями. Последние использовали обновленчество как инструмент борьбы против Церкви. Начальник Ташкентского ОГПУ Гордон писал в Москву о новом Семиреченском епископе: «Марков Алексей принадлежит к течению прогрессистов-обновленцев, который свою принадлежность доказал в Ташкенте по борьбе с тихоновщиной. <...> ОГПУ находит вполне желательным пребывание Маркова в Алма-Ате, который может окончательно ликвидировать остатки тихоновщины» [11, л. б/н].

Ташкентский и Туркестанский правящий архиерей епископ Иннокентий (Пустынский) противостоял обновленчеству. Он произнес проповедь с призывом хранить верность матери Церкви. По благословению Святейшего Патриарха Тихона епископом Иннокентием была провозглашена широкая автономия Туркестанской епархии. Вскоре власти вынудили иерарха покинуть пределы епархии. По причине отсутствия архиерея и невозможности наладить связь с Москвой, чтобы оградить паству от обновленческого натиска, ташкентским духовенством было инициировано собрание, на котором провозгласили автокефалию.

Став епископом, святитель Лука (Войно-Ясенецкий) из Ташкента рассылал обращения к пастве, в которых призывал хранить верность единой истиной Церкви и не идти на поводу у безбожников и обновленцев. В 1923 г. большой группой обновленцев из Семиречья и Средней Азии во главе с «епископом» Ташкентским Николаем (Кобловым) был написан донос в ГПУ на священнослужителей, сохранивших верность церковным устоям. В доносе говорилось, что автокефалисты-тихоновцы «являются прямыми контрреволюционерами, политическими преступниками» [11, л. б/н]. В вину им ставилось то, что они осуждают власть, поминая за богослужениями Патриарха Тихона, епископов Андрея (Ухтомского) и Луку (Войно-Ясенецкого), осужденных государством «за преступления, ничего общего с религией не имеющие <...> демонстративно своими молитвами за них показывают, что власть несправедлива к ним» [11, л. б/н].

Власть принимала активные меры против священнослужителей и верующих, противостоящих обновленчеству. В 1924 г. Покровский храм в Алма-Ате, настоятелем которого был последовательный противник обновленчества протоиерей Пантелеимон Кошиц, передали обновленцам. Настоятелем его стал «протопресвитер» Виктор Ельцов. В сводке ГПУ с 1 апреля по 1 мая 1925 г. сообщалось: «Духовенство Джетысуйской губернии делится на две группировки: обновленческая, 80 приходов, и автокефальная, 5 приходов. Наблюдалась нелегальная Тихоновская группировка священника Ефимия Круговых в Малоалматинской станице, но благодаря принятым мерам распалась» [цит. по: 4]. 8 декабря 1925 г. прибывший в Алма-Ату священник Григорий Лазуревский в письме проживающему в ссылке в Средней Азии митрополиту Арсению (Стадницкому) сообщал, что по состоянию на лето 1925 г. в Верном «как и во всем Семиречье все церкви раскольнические, верен православию только Иссыкский настоятель Роман Марченко. В Алма-Ате действует скромный молитвенный дом» [цит. по: 4]. Вероятно, отец Григорий автокефалистов тоже воспринимал как раскольников. Позже, в декабре 1925 г., он писал епископу Сергию (Лаврову) в Ташкент, приглашая его прибыть в Алма-Ату: «Власть понижает себя в пользу обновленцев, дабы подчинить старо-церковников обновленцам <...> для перехода всего духовенства в истинную Церковь не хватает теперь Вашего Преосвященства присутствия <...> народ, столкнувшийся с истинным путем, снова станет на путь истинный» [12, л. 75–76].

Известно о визите в Алма-Ату «митрополита» Александра (Введенского) в 1927 г. Местный автор отозвался в областной газете на этот визит стихотворной сатирой, в которой он так изображает речь «митрополита», выступавшего в театре: «Бог везде: и в спиритизме, / Регенерации и атеизме... / Обновленчество пространно. / С этим богом вам не страшно» [17, с. 3]. К 1927 г. православ-

ным в Алма-Ате принадлежали Троицкий и Никольский храмы и военная Алексеевская церковь. Их причты состояли в каноническом общении с Семипалатинским архиереем, категоричным борцом против обновленчества, епископом Иннокентием (Никифоровым). Осенью в город прибыл преосвященный Лев (Черепанов). В этот период обновленцами руководили «епископы» Георгий (Крашениников) (с декабря 1926 г. по сентябрь 1927 г.), и Капитон (Лавров) (с ноября 1927 г. по октябрь 1928 г.). В 1928 г. обновленцы создали «Казахстанскую митрополию», которую возглавил «митрополит» Мелхиседек (Николаев).

Епископ Лев (Черепанов), показавший себя непреклонным обличителем лжи обновленчества в Нижнем Тагиле, продолжил противостоять расколу и в Алма-Ате. Иерарх произносил горячие проповеди и противостоял закрытию храмов. В 1929 г. городские власти предприняли очередные меры по борьбе с религией. Епископа Льва арестовали. Было принято решение о закрытии кафедрального собора и мечети. Закрыли также Алексеевскую церковь. Обновленцы во главе с «митрополитом» Мелхиседеком потребовали передать им Троицкий храм, который располагался в центре города. Власти удовлетворили прошение раскольников. Так, верными Православной Церкви остались только причт и прихожане Никольского собора. Но и его настоятель, будущий священномученик протоиерей Александр Скальский, не устоял от обновленческого соблазна. По данным В. Казанцева со ссылкой на газету «Джетысуйская правда» за 14 августа 1923 г., его подпись стоит под протоколом собрания обновленческого духовенства, а, по другим данным, в 1927 г. он склонялся к обновленчеству, но уговорами и упреками прихожан был вразумлен и принес покаяние [5, с. 92–94].

В 1934 г. среди алма-атинских раскольников произошли перемены. «Протопресвитер» Виктор Ельцов, будучи в браке, принял рукоположение во «епископа» и был назначен на Семипалатинскую кафедру. А Покровский храм, где он был настоятелем, закрыли и снесли. В этом же году в город прибыл в ссылку обновленческий «митрополит» Иннокентий (Пустынский), которого алма-атинская паства еще помнила и чтילה как своего правящего архиерея. Местные обновленческие епископы не пользовались у народа уважением. При «митрополите» Михаиле (Трубине), как и его предшественниках, кафедра располагалась в Троицкой церкви. В 1933 г. «митрополит» Михаил вступил во второй брак, что никак не могло укрепить его авторитет.

При сменившем его в 1934 г. «митрополите» Михаиле (Орлове) кафедра была перенесена в Софийский собор. В этот период в Алма-Ате проживал Уральский обновленческий «епископ» Николай (Алявдин), который, по словам Иннокентия (Пустынского), отличался ласковым нравом, за что его полюбили все прихожане. Вскоре «епископ» Николай был репрессирован. Причиной его устранения «митрополит» Иннокентий считал донос, написанный из зависти «митрополитом» Михаилом (Орловым). О последнем Иннокентий отзывался как о человеке сухом, недоброжелательном и несимпатичном [20, л. 16].

Вокруг «митрополита» Иннокентия сформировалась большая группа верующих, от лица которой он инициировал иск об отнятии у григориан Введенской церкви и передаче ее обновленцам. Власти удовлетворили ходатайство обновленцев, и в храме на Клеверных участках была зарегистрирована обновленческая община, возглавил которую «митрополит» Иннокентий. В беседах с паствой во Введенском храме и в частных разговорах он говорил: «Я больше склонен в тихоновщину, чем к обновлению, и обновленцев вообще я ненавижу, но куда было деваться, пришлось служить у них, но в настоящее время <...> я намерен обратиться к митрополиту Сергию о восстановлении в сане епископа <...> Тихоновское течение есть самое правильное» [20, л. 11]. В 1936 г., по словам самого владыки Иннокентия, его «обновленческий синод совсем уволил за примиренчество с тихоновщиной» [20, л. 12].

Еще в 1934 г. владыка говорил о своем возвращении в православие: «Мне нельзя обратно перейти, тогда меня сошлют на Соловки, придется так доживать свой век, хоть и не по душе, но ничего не поделаешь» [20, л. 9], а в 1936 г. уже более категорично: «меня гражданские власти заставляют возбудить ходатайство перед Виталием (вероятно, имеется в виду «митрополит» Виталий Введенский, «Первоиерарх» обновленческой «Церкви». — *иером. Иаков*) о восстановлении в правах епископа, но я не намерен больше писать Виталию <...> хочу присоединиться к православию, чтобы умереть в православии» [20, л. 13].

Данных о том, удалось ли владыке Иннокентию исполнить свое желание о возвращении в лоно Православной Церкви, нет, как нет и никакой информации, при каких обстоятельствах Введенский храм был передан православной общине. В труде епископа Тихона (Шарапова) по истории Алма-Атинской епархии говорится: «В городе Алма-Ата, кроме обновленческой, оставалась еще григорианская община

при Введенской церкви на Клеверных участках за рекой Алма-Атинкой. Уже когда епископ Александр был лишен свободы, священник Дмитрий Млодзяновский объявил себя староцерковником, к нему перешел и протодиакон из обновленческого храма (имеется в виду протодиакон Михаил Попенко. — *иером. Иаков*). О. Дмитрий лишен свободы и услан в ссылку» [18, с. 198–199]. Однако остается неясным, кто принял покаяние у отца Дмитрия Млодзяновского. Более того, верующим было известно, что он являлся агентом НКВД. В агентурных материалах он упоминается под кличкой «Мануйлов». Он действительно был арестован, но не выслан в лагерь, а сразу же освобожден. В его послужном списке отмечено: «В 1935 году патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием назначен на священническое место Преображенской церкви в г. Уральске» [10]. В этот период в Алма-Ате был закрыт и обращен в антирелигиозный музей Никольский собор.

В начале 1937 г. в город прибыл епископ Тихон (Шарапов), он начал служить во Введенской церкви. К марту 1937 г. православная Семиреченская епархия, куда входили, кроме Алма-Атинской области, Бишкек и Иссык-Кульский район, состояла из шести приходов и 13 священнослужителей вместе с епископом. Число обновленческих приходов на этот момент неизвестно, но, вероятно, их было больше. Только в Алма-Ате в 1936 г. проживали три обновленческих «архиерея». К концу 1937 г. в результате Большого террора церковная жизнь в Алма-Ате пресеклась.

В начале 1940-х гг. в Джамбуле проживал пребывающий на покое бывший Омский обновленческий «архиепископ» Анатолий (Синицын). 14 сентября 1943 г. он стал именоваться «архиепископом» Алма-Атинским и Казахстанским. С этого времени, понимая, что у обновленчества нет будущего, он искал возможности перейти в православие. Где он совершал служение и кто состоял в клире епархии в тот период, неизвестно. В декабре 1943 г. он получил назначение временно управлять Ташкентской епархией с сохранением за ним и Алма-Атинской кафедры. 10 мая 1944 г. Анатолий Синицын принес покаяние представителю Патриарха архиепископу Алексию (Палицину) и был принят в православие как мирянин. В ближайшие дни состоялось его рукоположение во диакона и во священника. Неделий ранее тому же архипастырю принес покаяние обновленческий протоиерей Михаил Серебряков.

С прибытием в Алма-Ату священноисповедника Николая (Могилевского) Анатолий Синицын был назначен секретарем Алма-Атинской епархии, а Михаил Серебряков — настоятелем Никольского и Казанского храмов. С этого времени в истории обновленческого раскола в Казахстане была поставлена точка. Однако паства помнила обновленческое прошлое священнослужителей и относилась к ним с недоверием. Вскоре архиепископ Николай был вынужден перевести протоиерея Михаила в Уральск. Протоиерей Анатолий также впоследствии покинул Алма-Ату.

Истинная Церковь, пройдя через испытания, укрепилась и умножилась. А церковный раскол, как и все временное, канул в лету. В 1953 г., находясь в ссылке в Джамбулской области, выдающийся служитель Церкви протоиерей Нил Рясенский писал: «Истинность Патриаршей Православной Церкви и преданность ее Родине доказана, она существует и идет вместе, неразрывно с народом — верующими людьми, умножая ряды борцов за мир, а обновленцев давно уже нет!» [13, л. 185 об.].

Благодарю протоиерея Вадима Алексева (Алма-Ата), Ольгу Ивановну Ходаковскую (Санкт-Петербург) и Екатерину Евгеньевну Озмитель (Москва), чьи добрые советы помогли в подготовке этого доклада.

Список литературы

1. Бердяев Н. Духи русской революции. Рига, 1990.
2. Владимир (Иким), митр. По стопам апостола Фомы: Христианство в Центральной Азии. М., 2011.
3. Время подвига: Исторические портреты: архиепископ Макарий (Звездов), епископ Лев (Черепанов), протоиерей Всеволод Черепанов. Екатеринбург, 2017.
4. Казанцев В. А. Образование Туркестанской епархии: Рукопись. [Электронный ресурс]. // Архив канцелярии Алматинской епархии. Фонд электронных материалов. Жесткий диск 1. Материалы по истории епархии.
5. Крест на Красном обрыве. М., 1996.
6. Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.
7. Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991.
8. Трубецкой С. Н. Разочарованный славянофил // Константин Леонтьев: Pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб., 1995.
9. Цыпин В., прот. Русская Церковь: 1917–1925. М., 1996.

Список источников

10. АКАЕ (Архив канцелярии Алматинской епархии). Личное дело прот. Дмитрия Млодзяновского.
11. АСПБЕ (Архив Санкт-Петербургской епархии). Ф. 2. Оп. 3. Д. 94.
12. АСПБЕ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 95.
13. АЦДНИ (Архив центра документации новейшей истории) Тверской обл. Ф. 7849. Д. 7691-с.
14. База данных о репрессированных в Казахстане «Мемориал» на официальном сайте МВД РК. URL: http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_memorial/mObl2/mObl2_%D0%9A/253D77E0B08021D1E054002655122E6A (дата обращения: 23.11.2018).
15. Гапон Г. А. Письмо министру внутренних дел // Красный архив. М.; Л., 1925. № 2 (9). С. 296.
16. Акты святейшего патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
17. Звоны (Итоги гастроли митрополита Введенского) // Джетысуйская искра. 1927. № 92.
18. История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006.
19. Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/158778.html> (дата обращения: 21.11.2018).
20. СГА ИАЦ ДП (специальный государственный архив информационно-аналитического центра департамента полиции) Алматы. Ф. 20. Д. 9341. Т. 2.

*Корнилов Александр Алексеевич,
д-р ист. наук, профессор
(ННГУ, г. Нижний Новгород)*

ПРИХОДЫ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ «БОЛЬШОГО МЮНХЕНА» В ПЕРИОД УПРАВЛЕНИЯ ИМИ МИТРОПОЛИТОМ СЕРАФИМОМ (ЛЯДЕ) (1945–1950 гг.)

А. А. Корнилов

Доклад основан на изучении оригинальных документов, отложившихся в Архиве Германской епархии РПЦЗ. Термин «Большой Мюнхен» обозначает православные приходы, которые расположились в центре и на окраинах Мюнхена во второй половине 1940-х гг. и относились к юрисдикции Русской Зарубежной Церкви. Географическая принадлежность церковных приходов отразилась в названиях: Мюнхен-Зольн, Мюнхен-Фрайман, Мюнхен-Пазинг, Мюнхен-Мозах и другие. В докладе отражены актуальные вопросы создания и функционирования православных приходов этого района.

По окончании Второй мировой войны в Мюнхене сосредоточилась большая масса беженцев и перемещенных лиц, бывших подданных Российской империи, советских граждан, лиц без гражданства, которые исповедали православную веру. Духовным окормлением этих людей, число которых шло на десятки тысяч, занималась главным образом Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ). Огромную роль в устройении приходской жизни Мюнхена сыграло духовенство Германской епархии РПЦЗ, которую возглавлял митрополит Серафим (Ляде).

О лагерях русских беженцев следует сказать подробнее.

Одним из наиболее известных лагерей для русских беженцев был *Лагерь Мюнхен-Фрайманн (СС казармы)*. В мае 1946 г. группа прихожан написала письмо митрополиту Серафиму. Они сообщали, что в бывших казармах СС насчитывается около 500 православных прихожан, что исполняющий обязанности старосты неуважительно относится к духовенству, так что один из клириков покинул приход. Прихожане просили благословить выборы совета и нового старосты [9].

На момент обращения прихожан в лагере Фрайманн служил епископ Смоленский и Брянский Стефан (Севбо) (с 1946 г. архиепископ), которому митрополит Серафим и поручил рассмотреть просьбу мирян и доложить о принятых мерах. В своей записке от 30 июня 1946 г. епископ Стефан описал в деталях ситуацию на приходе. Прежде всего иерарх сообщил, что находится в лагере Фрайманн с сентября 1945 г. Осенью 1945 г. лагерь был почти целиком заселен поляками, и епископу Стефану с трудом